

А.Г. Маслова

СВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII в.» № 17-04-50062-ОГН.*

Анализируется роль световых образов в поэзии Е.И. Кострова. Выявлена связь световых образов с традициями устного народного творчества, абсолютистской идеологией, библейской образностью, просветительскими идеями, масонской антропологией. Доказано, что световые образы играют символическую роль и выражают идеи Божественного покровительства, борьбы света и тьмы, мудрости, нравственной чистоты; основная эстетическая функция световых образов – передавать эмоции лирического героя.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в.; одическая поэзия; мифопоэтика света и тьмы; библейские мотивы; масонская антропология.

Научная проблема, решаемая в данном исследовании, – выявление роли световых образов, символов и мотивов в поэзии Е.И. Кострова, осмысление их связи с различными культурно-историческими традициями и явлениями, синтезировавшимися в русской литературе последней трети XVIII в.: с устным народным творчеством, древнерусской православной литературой и библейской образностью, русской панегирической поэзией, просветительской идеологией, масонским учением.

Актуальность обращения к заявленной проблеме обусловлена обострившимся вниманием современной филологической науки к переходным процессам в истории литературы, а в период последней трети XVIII в. в литературе происходят качественные изменения: эпоха традиционализма сменяется эпохой индивидуального художественного мироосмысления. В этой связи важно исследовать сквозные для культуры, архетипические в своей основе темы, мотивы и образы, так как на примере их функционирования в творчестве отдельных писателей на фоне общекультурных смыслов более рельефно обозначаются художественные позиции авторов. Мотивы и образы, связанные с символикой света и тьмы, широко представлены как в мифологической традиции, так и в книжной культуре различных эпох, присутствуют они и в поэзии Е.И. Кострова. Именно исследование этих мотивов является *предметом* научного внимания в данной статье.

Степень изученности вопроса

Значимость и знаковость световых образов в поэзии XVIII в. не подвергается сомнению. Можно говорить о присутствии особого «светового сюжета» в русской литературе XVIII столетия, что доказывает А.А. Харлушина в своих работах [1, 2]. Исследователь отмечает, что ««световой сюжет» претерпевал значительные трансформации на протяжении всего XVIII столетия. В творчестве Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, В.К. Тредиаковского свет теснейшим образом связан с тем комплексом смыслов, который сложился в православной церковно-книжной традиции. В творчестве М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.И. Майкова, В.В. Капниста происходит пере-

осмысление «светового сюжета»: свет соотносится не с религиозными ценностями, а с ценностями государственного порядка. В конце столетия обнаруживается еще одна трансформация «световой формулы». «Свет» окончательно утрачивает свою связь с породившей ее традицией и оказывается знаком природного мира» [2. С. 5].

Идея света в классицистической поэзии XVIII столетия тесным образом связана с Просвещением, базирующимся на идее света разума, организующего мир. Как замечает О.М. Буранок, антитеза «свет–тьма» стала часто повторяющимся образом петровской эпохи: «человек побеждает тьму старины, символизирующей неверие, обскурантизм, невежество, ради света знаний, нового, того, что <...> несет счастье и славу России» [3. С. 159]. Сохраняется эта символика и в послепетровскую эпоху.

Световые формулы широко используются в идеологическом контексте: подателями света, тепла, блеска являются те, кто наделен властью, царствующие особы, которым отводится роль демиургов, творящих свет из тьмы. Этот мотив, по наблюдению А.А. Харлушиной, проанализировавшей оды М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.И. Майкова и В.В. Капниста, объединяет представителей «ломоносовской» и «сумароковской» одических школ [1. С. 56]. В то же время Н.Ю. Алексеева, исследуя проблему развития одической формы в русской поэзии XVIII в., находит концептуальное различие в использовании световых образов в одах М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова. Если в одическом мире Ломоносова преобладает свет, то у Сумарокова «изображение ада и адских мук создает в его одах особый колорит мрака, ужаса, страдания – прямо противоположный (хотя, может быть, и неосознанно) свету и тишине од Ломоносова» [4. С. 254]. Преобладание света, устремленность к тишине и стройности в ломоносовской оде, однако, не свидетельствует об отсутствии борьбы света и тьмы, это борование «отражает суровое библейское понимание мира, согласно которому борьба добра со злом постоянна», и поэтому в его одах «свет падает лучами, пронизывающими тьму <...> он ярок и резок» [Там же. С. 266]. В одическом мире Хераскова нет мрака, поэтому отсутствует контраст, характерный и для Ломоносова, и для Сумарокова. У Хераско-

ва свет, являющийся синонимом нравственной категории добра, не так ярк и резок, одический мир Хераскова «озарен мягким, прозрачным светом» [4. С. 266].

Необходимо учитывать, что, несмотря на ориентацию русских классицистов на европейскую идеологию Просвещения, световая символика поэзии XVIII в. не оторвана от русской национальной традиции и древнерусской литературы. Символические образы светового ряда бытовали в Древней Руси как в языческих фольклорных, так и в христианских книжных текстах. Их функционирование в русской культуре подробно исследовала Лиля Мончева в статье «К проблеме символического образа в древнерусской литературе». Л. Мончева отмечает, что в русской обрядовой культуре сохранилась связь с архаическим соотношением матери с «красным солнышком», отца – со «светлым месяцем», что вписывается в систему астрально-солнечных мифов и соответствует матримонимальному устройству общественной жизни [5. С. 39]. Христианская интерпретация светового символического образа, воспринятая русской литературой от Византии, «основывается на эстетическом принципе “фотодосии” – свет как дар божий, как эманация самого божества» [Там же. С. 40]. Появляется иерархизация семантического содержания световых образов, возникает также просветительская интерпретация света как божественного учения. Важная особенность световой символической поэзии XVIII в., – интерпретация образа светского правителя в символическом образе солнца [Там же. С. 42].

Идея света в поэзии может быть представлена различными образами: «свет», «солнце», «восход», «закат», «блеск», «сияние», «звезды», «лучи» и т.п. «Световой сюжет» может рассматриваться в нескольких руслах: как символ, восходящий к идеям Божественного света, идеям борьбы света с тьмой, и как образ, организующий пространство, особый прием, позволяющий создавать живописные словесные картины. Так, в искусстве свет предстает в двух категориях: «как освещение, с определенным реальным источником в виде солнца, луны или зажженной свечи, и как явление духовной энергии» [6. С. 193].

Огромное влияние на русскую литературу во второй половине XIX в. оказала масонская культура и этика. Наиболее влиятельная в России ветвь масонства – розенкрейцеры формируется вокруг Московского университета в конце 1770-х – начале 1780-х гг., как раз в то время, когда Е.И. Костров занимает должность университетского стихотворца, активно сотрудничает с одним из самых видных масонских просветителей, арендатором типографии при Московском университете Н.И. Новиковым, тесно общается с М.М. Херасковым, также связанным с масонским движением. Как справедливо замечает В.И. Сахаров, масонская философия, ориентированная на развитие внутренних рациональных и духовных сил каждого человека, с ее таинственными и полными символического смысла обрядами, была «богатой и оригинальным источником образов и тем для поэмы, оды и малых поэтических жанров» [7. С. 66]. В масонской поэзии

символика света занимает одно из первостепенных мест. А.Н. Пашкуров и А.И. Разживин подчеркивают, что миф о соотношении в мироздании начал Света и Тьмы является одним из основополагающих канонических мифов масонства, и связан он с преодолением человеком тьмы грехов внутри себя и возвращением к свету, который был дан Богом Адаму изначально [8. Т. 2. С. 180–181]. Можно говорить о глубинной символике названий московских масонских журналов «Утренний свет» и «Вечерняя заря», о масонском подтексте в образах света и «мрачных туч» в стихотворении В. И. Майкова «Ода ищущим мудрости», о символичности солнечных образов в «Утренних размышлениях» М.Н. Муравьева и во многих других произведениях, опубликованных в журналах Н.И. Новикова 1777–1785 гг. (см. об этом подробнее: [9. С. 97–116]). Безусловно, не будучи напрямую связан с масонством, Е.И. Костров был знаком с произведениями, опубликованными в журналах, издававшихся при Московском университете, и образная система масонской поэзии нашла отражение в творчестве университетского стихотворца.

Как можно убедиться, световая символика в русской поэзии не была случайным явлением. Она тесно связана с традициями древнерусской культуры, с православием, с мифами эпохи Просвещения, масонской антропологией, в поэзии XVIII в. складывается особый «световой сюжет», определяются мифопоэтические концепты световых образов. В то же время можно говорить и об индивидуальных особенностях функционирования световых образов в поэзии разных авторов.

Световые образы поэзии Е.И. Кострова еще не становились объектом исследовательского внимания. Данная проблема впервые рассматривается в предложенной работе.

Ход исследования и результаты

Для современников Е.И. Кострова его поэтический талант не подвергался сомнению. Высокая образованность Кострова, овладевшего еще в Вятской духовной семинарии древнегреческим и латинским языками, безусловно, способствовала развитию и совершенствованию этого таланта. Сделав первые шаги в образовании в стенах духовной семинарии, продолжив затем учебу в Московской славяно-греко-латинской академии, будущий переводчик гомеровской «Илиады» глубоко освоил христианскую литературу, и религиозная символика и образность органично вливаются в его произведения, откликающиеся на значительные события последней четверти XVIII столетия и адресованные именитым современникам.

Нами проанализированы 25 произведений Е.И. Кострова, в которых встречаются световые образы. Большинство произведений – оды, торжественные песни и эпистолы, написанные на разные случаи, такие как день рождения, день коронации, день восшествия на престол Екатерины II, открытие губернии в Москве, прибытие императрицы в Москву, день открытия Общества любителей учености. Проанализированы также оды, адресованные современникам Ко-

строва – И.И. Шувалову, М.М. Хераскову, З.Г. Чернышеву, преосвященному Платону. Кроме одических текстов объектом анализа стали идилия «Каллидор», написанная на день тезоименитства И.И. Шувалова, эклога «Три грации», созданная на день рождения княжны Александры Павловны, мадригал, станс и стихи, восхваляющие деятельность митрополита Московского и Калужского преосвященного Платона, и два стихотворения, которые можно отнести к типу «безделок» – «Стихи на иллюминацию», написанные на день бракосочетания, и «Стихи Лизете», содержащие похвалу юной красавице. Таким образом, основной корпус исследованных текстов связан с событиями государственного значения и должен встраиваться в разработанную русскими классицистами систему поэтического выражения государственной идеологии. Световой сюжет соотносится в первую очередь с ценностями государственного порядка: автор торжественного панегирика, прославляя русскую монархию и современных государственных деятелей, представляет их в ореоле света, лучи от которого, повсеместно распространяясь и разгоняя мрак, создают атмосферу всеобщего сияния и счастья.

Один из главных символов абсолютизма – «царь-солнце». Общим местом од становится сопоставление монархов с солнечным светилом. Мария, супруга Павла, представляется в сравнении с восходящим солнцем, с весной: «Стыдится блеск зари пред Нею / Сама дивится ей весна» [10. С. 39]. Елизавета, основавшая Московский университет и взирающая на свое детище с облаков «безмрачных, светоносных, мирных», «помрачает» сиянием своих очей само солнце [Там же. С. 41].

В приступе к оде «На день восшествия на всероссийский престол Ея Императорского Величества Екатерины II 28 июня 1780 года» присутствует сравнение российской монархии с зарей. Заря видит монархию «во всем подобную себе». В оде «На день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II, 21 апреля 1781 года» подчеркивается божественность власти российской монархии, посланной в свет, «дабы толь красное светило / Своим блистаньем помрачило / Лучи других земных планет» [10. С. 54]. Очи монархии «светозарны», они льют «кроткий луч», разгоняющий «сгущенный мрак печальной ночи» [Там же]. Образ Екатерины в одических текстах Кострова сопровождается мотивами «блеска», «лучей», «лучезарности», «светозарности», «озарения»: «В нем мудрости лучи небесны / В нем блещет свет твоих щедрот» [Там же. С. 55]; «Щедрот ты блеском лучезарных / В сердцах россиян благодарных / К себе рождаешь фимиам» [Там же. С. 65] и т.п.

В «Оде на день открытия общества любителей учености при Императорском Московском университете» (1789) используется прием контраста грозной силы, направленной на врагов, и света добродетели и правды, распространяющегося в родном отечестве. Сила россов устрашает врагов, символически представленных в образе мрачных туч: «Как тучи мрачные, чудовища ужасны... Несутся, чтоб собой Россию отягчить» [10. С. 117]. Россия для вражеских темных сил – грозный «исполин», громящий их войска. В

родном же отечестве лучи Екатерины уже не грозят гибелью, – наоборот, они несут свет премудрости и добродетели, монархия несет подданным «лучи света», направляющие их по пути правды.

Как отмечает Л.И. Сазонова, «солнечным светом залита вся триумфальная поэзия эпохи барокко и классицизма» [11. С. 398]. Уже в панегирической поэзии Симеона Полоцкого образ монарха неизменно сопровождается «ореолом блистательности и светоносности» [Там же]. И у Симеона Полоцкого, и впоследствии у Ломоносова символика солнца включается в антитезу свет–тьма [Там же. С. 402]. Можно сказать, что не только метафора «царь-солнце», казавшаяся, по наблюдениям Л.И. Сазоновой, смелой в эпоху Симеона Полоцкого [Там же], становится «общим местом» оды классицизма, но и прославление демиургических способностей русского монарха, разгоняющего тьму и несущего свет, преображающий пространство, также становится «общим местом» русской оды XVIII в. В одах Е.И. Кострова мотив преображения пространства, связанный со световым сюжетом, является сквозным.

В «Оде на прибытие Ея Императорского Величества в Москву 1785 года, июня 3 дня, поднесенной Ея Величеству от тамошняго университета» изображена древняя столица, которая в связи с приездом Екатерины «в новых зрит себя лучах» [10. С. 78]. В этой же оде присутствует мотив сопоставления преображающей силы русской императрицы с Ангелом, который несет в мир Божественный свет и разгоняет своим полетом «тучи мрачны» [Там же. С. 80]. Лучи света, свет – символика, связанная с божественными силами добра, и не случайно в оде появляется мотив бегущих от света, распространяющегося вокруг императрицы, «темных сил»: «во мрачные края» бегут и «любитель мзды», и «преступник клятвы», и «коварный», и «неблагодарный» [Там же. С. 81]. В анализируемой оде символика света и тьмы тесно связана с духовно-нравственными мотивами противостояния добра и зла.

В «Песни благодарственной Ея императорскому величеству за оказанные Москве щедроты в бытность Ея величества в сей столице» (1785) представлена Москва, обновленная стараниями императрицы и озаренная ее лучами. Москва благодаря щедротам Екатерины предстает «блестяща светом, луны сребру подобна цветом» [Там же. С. 84]. От лица древней русской столицы звучит благодарственная речь в адрес щедрой покровительницы: «И верх моей главы сияньем озарен», «Я, свет приемля Твой, блистательна, славила» [Там же. С. 86]. Свет здесь символизирует славу и процветание.

«Песнь на возвращение Ея Императорского Величества Екатерины II из полуденных стран России» также содержит мотив преображения пространства под воздействием благодеяний императрицы, а императрица наделяется ореолом Божественного сияния: «Всех Планета озаряет, / Возрождает, обновляет / В светлом шествии Своем» [10. С. 97]. В образе Планеты здесь предстает Екатерина.

Символика света как атрибута Божества – наиболее частый мотив одической поэзии Е.И. Кострова.

Многие исследователи отмечали такую особенность од Кострова, как «частое обращение к библейской тематике и образности» [12. С. 65] и увеличение количества «библейзмов» [13. С. 27]. Г.А. Гуковский писал: «Костров насыщает свои ранние оды славянизмами и всевозможными “библейзмами”, образами, выражениями, мотивами Библии, иногда нарочито архаического и притом величественного звучания» [14. С. 466]. Следует сказать, что данное наблюдение касается не только ранних од Кострова. Световой сюжет, связанный с библейской символикой и образностью, подчеркивающий идеи нисхождения Божественного света в мир, является сквозным в поэзии Кострова.

В «Оде на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года» свет становится неотъемлемым атрибутом Бога и Небесных ангелов, осеняющих Россию, ниспосылающих на землю мудрые заповеди: «Глаголы уст твоих предвечны, / Речешь – и тако свет течет» [10. С. 7].

Этот же мотив звучит в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве» (1782), адресованной Екатерине II. «Светлообразный», «лучезарный» Ангел является перед российским народом, он держит в руках скрижали, «где мудрым духом начертаны суд, милость, правда, мир и страх» [Там же. С. 71]. В оде русский народ сопоставляется с израильтянами, воспринявшими с Синая закон Божий, но если «Израиль в ужасе трепещет», то «Росс веселием соплещет и видит кротка света луч» [Там же. С. 72]. Очень значимым в данном эпизоде является эпитет «кроткий». В «Словаре русского языка XVIII века» даются следующие значения слова «кроткий»: «1. Смиранный, незлобивый, уступчивый. // Выражающий незлобность, смирение. // Исполненный незлобности, смирения. // Снисходительный, исполненный терпимости, не строгий. 2. Мирный, спокойный; непритязательный, скромный (преимущественно в произведениях сентименталистов). // Приятный для восприятия; не резкий, не раздражающий» [15]. «Кроткий», то есть «незлобивый», «смиранный», «спокойный» свет божественной воли, ниспославшей России мудрые заповеди, провозглашающие ценности милости и правды, противопоставлен «грозыным тучам» и «грому», сопровождавшим провозглашение Божественных заповедей израильскому народу на Синае. Мудрые законы, данные людям, рожают «спокойство, мир и тишину», от них «течет согласие в сердца, / Мятаж, насилие, раздоры / Во мрак свои скрывают взоры / От их пресветлого лица» [10. С. 73]. Так, свет в проанализированной оде «На открытие губернии в столичном граде Москве» является символом Бога и мудрых Божественных законов, кротости, спокойствия, мира, милости и правды. Мрак – это область, где скрываются «мятеж, насилие, раздоры», всяческое зло.

День коронации Екатерины мыслится как день Божественного освещения России, день нисхождения Высшего света на россов. Божественный вестник, осененный «нетленным блеском», возвещает Москве и россам Высшую благодать, носителем которой является Екатерина: на российскую императрицу нисходит «небесный свет», преображающий простран-

ство. «Гоня печалей черну тень», дни Российской державы, осененные Божественным сиянием, исходящим от императрицы, «преобратились в светлый день» [10. С. 11].

Используя характерный для оды тоpos исторической преемственности монархов на российском престоле, автор переходит к восхвалению потомков Екатерины и олицетворяет их с солярной атрибутикой: Павел и Мария сравниваются с «лучезарным Фебом» [Там же]; Александр – «луч ясный», «рожден во время нам златое, рожден в пресветлы мира дни» [Там же. С. 11–12]. Мифологема золотого века, становящаяся лейтмотивом «Оды на день коронации», также неотделима от световой символики и вписывается в основной идеологический ряд символов: монарх – солнце – золото.

Символика света становится повторяющимся «общим местом», сопровождающим в одических текстах мотив «золотого века». В оде «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 года, создающей образ «золотого века» Екатерины, подчеркивается мысль о победе света, символически представленного в образе сладостных лучей, рожденных небесной властью, над мраком невежества, духом зла и завесой лицемерия. Свет здесь символизирует высшие нравственные ценности.

Символика Божественного света появляется в «Оде на день рождения Его Императорского Величества Государя Великого Князя Александра Павловича» (1778) в связи с восторженной устремленностью одического певца к высшим сферам – туда, «где небожителей держава, / Без мрачной ночи вечно слава / И неприступный смертным свет» [10. С. 21]. Присутствует сравнение царской четы с солнцем, глаголом «блистать», связанным со световой символикой, подчеркивается внутренняя нравственная добродетель Павла и Марии, родителей Александра. Небесный свет, льющийся от мира небожителей на землю, проникает и в душу только что родившегося младенца: «и се светлообразный / На отрока лиется дух, / Да в нем дары починут разны, / Подзвездный удивляя круг» [Там же. С. 22]. Этот же тоpos исторической преемственности присутствует и в оде «На день восшествия на престол Екатерины II, 28 июня 1782 года», где вслед за восхвалением Екатерины автор создает образы Павла и Марии, широко используя символику световых мифологем.

Божественный свет изливается на российских монархов, а вместе с ними и на всю подвластную им Россию. Идея Божественного света, осеняющего власть монархии, осложняется нравственной программой – жить по высшим законам мудрости и добродетели: «Во багряницу облечена / Сияй величеством души» [Там же. С. 66]. Свет, исходящий от престола императрицы, должен рассеивать мрак пороков:

Да от престола светоносна
Мужей порочных совесть злостна
Бежит и кроется в горах [10. С. 66].

В «Оде на день рождения Его Императорского Величества Государя Великого Князя Александра Пав-

ловича» 1778 г. появляются световые образы, связанные с нравственной проблематикой, характерной для псалмодической традиции и для масонской антропологии. Наряду с образом приветствующих рождение Александра дружеских племен в оде возникает образ «ходящих в путях неправых», которые внешне «веселя полны при *светлости* российских дней», но «в их нутри смущенья волны и *мрачный* царствует Борей» [10. С. 19]. Внутренний мир противников торжества России рисуется как мир мрака и холода.

В русле символического представления о свете, несущем просвещение и противостоящем мраку невежества, звучат строки оды «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 г., прославляющие храм науки, в котором просвещаются молодые сердца: «Где мрак отрясши мыслей грубый / И в сердце свет приив сугубый, / Другим во грудь его лиют» [Там же. С. 42].

Световая символика, подчеркивающая добродетельные качества восхваляемой личности, присутствует не только в произведениях, посвященных царствующим особам и членам их семей. Те же идеи несут световые образы и в «Оде на день рождения Его превосходительства Михаила Матвеевича Хераскова». Об адресате оды Е.И. Костров пишет: «В твоей душе огонь щедротный обитает» [Там же. С. 124]. Направленный на благо, этот «огонь» рождает ответное усердие в сердцах окружающих, что сравнивается с действием солнечных лучей, вызывающих благотворную ответную реакцию всего земного мира. Добродетель адресата оды противопоставлена безнравственности, живущей в сердцах льстецов и клеветников, бегущих от праведного света, так как «не могут вместе быть и день и мрачна ночь» [Там же. С. 126].

Световым ореолом окружен и герой «Оды Его сиятельству главнокомандующему в Москве, графу Захару Григорьевичу Чернышеву на случай вступления Его в правление Москвы» (1782). Период отсутствия главнокомандующего в столице сравнивается с мраком, сменившимся долгожданным светом: «Возвысь главу и зри: отрад блистает луч» [Там же. С. 128]. В соответствии с заданным в приступе образом в центральной части оды возникает образ восходящего солнца, аллегорически соотносимого с одическим героем. От лучей его бежит прочь неправда и коварство: «И что виной тому? бежит от света ночь» [Там же. С. 131].

Правление З.Г. Чернышева должно, по убеждению одического автора, способствовать утверждению блага и противостоять неправде. Благие деяния одического героя сопровождаются преображением пространства: «Где были терния колючи / И мрачныя носились тучи, / Там розы днесь цветут, там чистый блещет свет» [Там же. С. 132].

Об И.И. Шувалове в идиллии «Каллидор. На день тезоименитства Его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова. Ноября 12 дня, 1781» сказано: «Где луч его очей, там бедствий тает лед, / Печали мгла бежит, его где блещет свет» [Там же. С. 137].

Кроме символики, связанной с противопоставлением света / добродетели и мрака / порока, световые

образы используются в произведениях Е.И. Кострова для передачи положительных эмоций. Солнечный свет символически передает эмоцию радости и всеобщего веселья. В идиллии «Каллидор» рисуется образ «пресветлого Феба», «в восторге радостном» вещающего о рождении мецената [10. С. 138]. Вопреки осеннему времени года, вся природа освещается блеском весенних дней, соотносимым с образом Каллидора – Ивана Ивановича Шувалова. В идиллии упоминается о болезни мецената, и время болезни соотносится с мрачными днями, а выздоровление – с восходом солнца: «Прешла печаль, прешла прискорбий мрачна тень / И паки воссиял отрад веселых день» [Там же. С. 141]. Завершается идиллия картиной заката, но ночное время суток вовсе не означает наступление мрака. С небес взирает на землю луна, внимающая пению муз и разделяющая всеобщую радость.

И.И. Шувалову посвящена и «Ода Его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву» (1779). Знаменательно введение в поэтику оды символики священного небесного огня. Одический певец обращается к адресату оды с просьбой:

... Простри ко мне, простри твой кроткий слух
И в грудь мою вдохни твой благотворный дух,
Да огонь его в моих составах разлится,
И тако песнь тебя достойна соплетется! [16. С. 119].

Возникает в оде и образ «ложного света»: счастье, которое многим представляется в блеске роскоши и славы, прельщает людей, но не имеет власти над добродетельным меценатом: «Ты, счастье, ложными приосенять лучами / И царствовать уже не можешь над делами, / Которы суть не что, как мудрых зрелый плод...» [16. С. 120].

И.И. Шувалов предстает как личность, способная противостоять ложному свету славы и укрепляющая силу истинного света, несущего в земной мир науки и высшую мудрость посредством поддержки Московского университета. В оде подчеркивается, что свет наук распространяется не только в России, но и за рубежом.

Ярко мотив противостояния света и тьмы проявляется в произведениях, посвященных преосвященному Платону Митрополиту Московскому и Калужскому (оде, мадригале и стансе), и «Стихах на освящение храма в Московском университете, поднесенных ему же, преосв. Платону». В оде, написанной в день тезоименитства преосвященнейшего Платона, подчеркивается мысль о том, что архипастырь несет в земной мир Божественную правду, распространяет свет добра, Платон сравнивается с Фебом, льющим свет в земные недра.

Главным мотивом этих творений становится мотив борьбы света и тьмы, где свет символизирует победу мудрости и веры над тьмой пороков и невежества. Платон призван «мрак неистов разрушить»: «Пред ним строптивых полк трясется, / Пред светом исчезает мрак» [10. С. 163]. В «Стихах на освящение храма в Московском университете» звучат такие строки, обращенные к Платону: «Пороки от твоих бесед спешат во мрак: / Несносен им лучем доброт сияющ зрак» [10. С. 169]. Не менее ярко мотив противостояния

Божественного света мудрости и дьявольской тьмы невежества звучит в простых и афористичных строках станса, адресованного митрополиту, в которых сквозным афоризмом становится фраза «Там мрак, где мудрых нет» [Там же. С. 165]. Многозначным оказывается слово *свет* в «Мадригале», посвященном Платону. В первых строчках свет символически передает идею истины, противостоящей мраку невежества:

О Пастырь! для тебя единственная честь,
Чтоб свет наук умножить,
Мрак грубый уничтожить [10. С. 164].

В последних строчках слово *свет* упомянуто дважды, и оба раза в разных значениях. Восторженный голос муз «возвестить твои доброты в свете тщится, доколе бег планет и свет не прекратится» [Там же]. В первом случае свет означает весь мир, в пространстве которого раздается голос муз, во втором – передает идею жизни: свет – это жизнь. Пока не прекратится течение жизни, музы будут провозглашать хвалы за слугам добродетельного пастыря.

В «Стихах на освящение храма в Московском университете, поднесенных преосв. Платону Митрополиту» возникает образ вдохновенного «священного» огня, воспламеняющегося в сердцах муз, приветствующих освящение храма Московского университета. Образ света здесь призван передать идею страстного чувства, восторга, вдохновения: «Преобразите вы себя во огонь священный, / В живой, чистейший огонь, блистательный, нетленный» [Там же. С. 167].

Наряду с символикой, связанной с идеями Фаворского света, государственной идеологией и нравственной проблематикой, возникают в произведениях Е.И. Кострова световые образы, используемые автором в композиционных целях. Так, нередко торжественные произведения Кострова открываются картиной восходящего солнца, символизирующего идею восхождения поэта на Парнас. Приведем пример из приступа к «Оде на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года»:

Златого светоносца персты
Открыли в тверди горизонт;
Врата восточные отверзты,
Оставлен Фебом хладный понт [10. С. 5].

Подобный же приступ, содержащий мотивный комплекс «*восходящее солнце – весна – пробуждающаяся Муза*», открывает оду «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 г. В приступе к «Оде Его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву» (1779) звучит традиционный для оды мотив восхождения одического певца на Парнас, сопровождающийся символикой света, подчеркивающей идею обретения вдохновения: «Какой лиется луч в мою усердну грудь / К Парнасу светлому являя зланный путь?» [16. С. 119]. Свет становится символом поэтического восторга в приступе к оде «На день восшествия на престол Ея Императорского Величества Екатерины II 28 июня 1782 года». Поэт обращается к солнцу с призывом придать его слову особое звучание, влить «животворящий свет» в его «усердну грудь».

Примечательно, что, используя образ восходящего солнца в приступе к оде, Костров создает и другую картину – образ заката в заключении к оде. Такой прием мы видим в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве, Екатерине II, 5 октября 1782 года». В оде создается картина вечернего пейзажа: на смену солнцу на небо восходит луна, которую автор называет «сестрой огнеобразна Феба» [10. С. 77]. Образы солнца и его сестры луны не случайно появляются в торжественной оде: они с высоты неба поочередно взирают на «росски торжества».

Изредка в поэзии Е.И. Кострова свет становится элементом пейзажа, как в эклоге «Три грации», где изображается Нева в свете солнечных лучей:

Огни сии в водах различно преломляясь,
От влаги бисерной со блеском отражаясь,
Играющий нам вид являют во струях
И поздравляют тем дочь Павла в пеленах [10. С. 102–103].

Но даже в этом случае солнечный свет, играющий в водах Невы, символически выражает идею радости, связанной с рождением княжны Александры Павловны.

Особо следует рассмотреть «легкие» стихотворения Е.И. Кострова, не связанные с событиями государственного значения. Так, в «Стихах на иллюминацию в селе Г.Р.Б.Н.В.» образ света, казалось бы, не имеет аллегорических и символических функций. Огни, изображенные в произведении, – это огни иллюминации, украшающей празднество бракосочетания. Вокруг «черная завеса ночи», а в месте праздника – «повсюду свет лиет различными огнями, в нем все исполнено чудесными лучами, чистейшим бисером усыпан свод небес» [10. С. 192]. В то же время в стихотворении Е.И. Кострова, воссоздающем чудесную картину праздничной иллюминации, подчеркивается символический смысл зажженных в честь совершающегося брачного союза огней:

Возженны видим мы прелестные огни,
Предвещаючи ему счастливы дни [10. С. 192].

Таким образом, свет и здесь передает идею счастья, которое должно сопровождать брачный союз.

В «Стихах Лизете» рисуется образ прекрасной юной девушки. Глаза юной красавицы исполнены блеска, лучи которого могут пронзить сердце: «Их блеск есть чистый блеск пронзающих лучей, / Вливает он во груди пламень / И может умягчить и самый твердый камень» [10. С. 199]. Световая символика здесь используется для передачи идеи любви.

Выводы

Световые образы в творчестве Е.И. Кострова занимают значимое место. Символика световых образов Кострова синтезирует различные традиции.

Можно, во-первых, выделить связь с русским фольклором, представляющим князя в образе «солнца красного». Мифологема «царь-солнце» утвердилась в русской панегирической поэзии в эпоху абсолютизма: в хвалебных барочных виршах и в русской оде монарх неизменно представлялся источником света, т.е. всяческих благ. Этот мотив становится общим местом торжественных

текстов Кострова, посвященных различным официальным празднествам. Особенностью произведений Кострова по сравнению с другими одическими поэтами XVIII в. становится широкое использование световой символики в таком сюжетном элементе торжественных панегирических текстов, как топоним исторической преемственности, когда солнечная атрибутика распространяется и на венценосных потомков, призванных продолжить светоносную деятельность царствующего монарха.

Во-вторых, в творчестве Е.И. Кострова ведущее место занимает световая символика, связанная с традициями государственной абсолютистской идеологии, создающей миф о вечном золотом веке, установившемся под властью царствующего монарха. Образ золотого века, ставший «общим местом» одического хронотопа, сопровождается обязательными атрибутами солнечного света, весны, вечной радости. Световая символика, отражающая демиургические способности монарха, разгоняющего тьму, лежит и в основе ведущего одического мотива преображения пространства, освещенного как благотворной деятельностью правителя, так и просто появлением его в какой-либо местности (например, как у Кострова, – в Москве).

В-третьих, световая символика в творчестве Е.И. Кострова связана с древнерусской православной традицией и библейской образностью: Бог – податель света, посылающий лучи Божественной мудрости в мир. Бог несет нравственные заповеди и освещает своим покровительством монархию и российский народ.

В-четвертых, выявляется связь с просветительской традицией, соотносящей понятие «свет» с разумом, организующим пространство. Афоризм «там мрак, где мудрых нет», звучащий в стансе, посвященном преосвященному Платону, в наиболее законченном виде выражает эту просветительскую идею.

В-пятых, отмечается соотносительность с масонской антропологией, подчеркивающей идею личной нравственной ответственности каждого человека за построение храма света в своей душе. Сквозным сюжетом в произведениях Кострова, актуализирующих нравственную проблематику, становится борьба света и тьмы, при этом торжество света неизбежно: добродетель, мудрость, высокие патриотические чувства, служение науке побеждают мрак невежества и безнравственности.

Световые образы выполняют в творчестве Е.И. Кострова не только идеологические, но и эстетические задачи. Так, они позволяют передать идею поэтического вдохновения. С помощью световых образов передаются эмоции восторга, радости, счастья и любви.

В то же время, несмотря на то, что позднее творчество Е.И. Кострова связано с усвоением традиций «легкого» стихотворства, световые образы в его поэзии не утрачивают своей символической роли. Даже в тех единичных случаях, когда эти образы становятся частью конкретного ландшафта или пейзажа, автор с их помощью выражает важные для него идеи или эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харлушина А.А. Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2, № 1. С. 53–59.
2. Харлушина А.А. Функции тематического комплекса «свет» в системе торжественной оды М.В. Ломоносова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 20 с.
3. Буранок О.М. Русская литература XVIII века : Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М. : Флинта; Наука, 2003. 336 с.
4. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб. : Наука, 2005. 369 с.
5. Мончева Л. К проблеме символического образа в древнерусской литературе // *Dissertationes slavicae. Sectio historiae litterarum*. 1984. Vol. 16. P. 37–49.
6. Третьяков Н.Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Оптина Пустынь: Свято-Введенский монастырь, 2001. 263 с.
7. Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. д-ра филол. наук В.И. Сахарова. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 66–118.
8. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века : в 2 ч. М. : ФЛИНТА; Наука, 2017.
9. Маслова А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2013. 212 с.
10. Костров Е.И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 ч. СПб. : Императорская типография, 1802. Ч. 1. 258 с.
11. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее новое время. М. : Языки славянских культур, 2006. 896 с.
12. Алешин М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб. : Пушкинский Дом, 2014. 616 с.
13. Бронников К.Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е.И. Кострова. М. : Прометей 1997. 80 с.
14. Гуковский Г.А. Костров // История русской литературы : в 10 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 462–472.
15. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
16. Поэты XVIII века : в 2 т. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 2. 588 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 октября 2019 г.

The Symbolism of Light in Ermil Kostrov's Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/450/2

Anna G. Maslova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr11021@vyatsu.ru; ag.maslova@mail.ru

Keywords: Russian poetry of 18th century; odic poetry; mythopoetics of light and darkness; biblical motifs; Masonic anthropology.

The article deals with the research problem of revealing the role of images, symbols and motifs of light in Ermil Kostrov's poetry and trying to understand their connection with oral folk art, ancient Russian Orthodox literature, biblical imagery, Russian panegyric poetry, educational ideology, and Masonic studies. The article analyses Kostrov's works of different genres (odes, epistles, idyll, eclogue, madrigal, stans, etc.) that contain light images. Most of Kostrov's works are associated with events of national importance. It predetermines the author's use of the classic system of poetic expression of state ideology. The plot of light is related primarily to

the values of state order: the author of the solemn panegyric, glorifying the Russian monarchy and modern statesmen, presents them within a corona of light that clears up the surrounding darkness. At the same time, the symbolism of Kostrov's light images synthesises various traditions. Firstly, it is possible to single out the connection between Kostrov's light images and Russian folklore, which represents the prince in the form of the sun. This motive becomes the general place of Kostrov's solemn texts dedicated to various official festivities. Comparing Kostrov's works with other odic poets of the 18th century, it is necessary to point out the widespread use of light symbolism in such a plot element of solemn panegyric texts as the topos of historical continuity, when the solar attributes cover crowned descendants who are to continue the lightful activity of the reigning monarch. Secondly, the symbolism of light connected with the traditions of the state's absolutist ideology takes the leading place in Kostrov's works. According to the classic tradition, his poetry creates a myth about the eternal golden age established under the rule of the reigning monarch. The symbolism of light reflects the demiurgic abilities of the monarch, who dispels the darkness. An important motive is the motif of the transformation of space. Thirdly, Kostrov's symbolism of light is associated with the Old Russian Orthodox tradition and biblical imagery. God brings light sending the rays of Divine wisdom into the world. God brings moral commandments and illuminates the monarchy and the Russian people with His patronage. Fourthly, there is a connection between the educational tradition that correlates the concept "light" with Reason that organises space. Fifthly, there is a correlation with Masonic anthropology, emphasising the idea of each person's moral responsibility for building a temple of light in their soul. Throughout Kostrov's works, the struggle of light and darkness is in the first place, and the triumph of light is inevitable. Virtue, wisdom, high patriotic feelings and service to science conquer the darkness of ignorance. Light images in Kostrov's works have not only ideological, but also aesthetic tasks: they make it possible to convey the idea of poetic inspiration. Light images help to transmit emotions of delight, joy, happiness and love. Kostrov's individuality is in the fact that, in his late poetry of the 1790s, light images do not lose their symbolic role, do not have an independent significance. Kostrov continues to meet the aesthetic requirements of the poetics of classicism even adopting new genres of "light" poetry.

REFERENCES

1. Kharlushina, A.A. (2016) Dynamics of "Light Plot" in the Russian Literature of the 18th Century. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2 (1). pp. 53–59. (In Russian).
2. Kharlushina, A.A. (2010) *Funktsii tematicheskogo kompleksa "svet" v sisteme torzhestvennoy ody M.V. Lomonosova* [The Functions of the Thematic Complex "Light" in the System of M. Lomonosov's Solemn Ode]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Buranok, O.M. (2003) *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th Century: The Petrine Era. Feofan Prokopovich]. Moscow: Flinta; Nauka.
4. Alekseeva, N.Yu. (2005) *Russkaya oda: Razvitie odicheskoy formy v XVII–XVIII vekakh* [Russian Ode: The Development of the Odic Form in the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg: Nauka.
5. Moncheva, L. (1984) K probleme simvol'nogo obraza v drevnerusskoy literature [On the Problem of the Symbolic Image in Old Russian Literature]. *Dissertationes slavicae. Sectio historiae litterarum*. 16. pp. 37–49.
6. Tret'yakov, N.N. (2001) *Obraz v iskusstve. Osnovy kompozitsii* [Image in Art. Basics of Composition]. Optina Pustyn: Svyato-Vvedenskiy monastyr'.
7. Sakharov, V.I. (2000) Russkaya masonskaya poeziya (k postanovke problemy) [Russian Masonic Poetry (On the Formulation of the Problem)]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv.* [Freemasonry and Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: Editorial URSS. pp. 66–118.
8. Pashkurov, A.N. & Razzhivin, A.I. (2017) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: v 2 ch.* [The History of Russian Literature of the 18th Century: In 2 Vols]. Moscow: FLINTA; Nauka.
9. Maslova, A.G. (2013) *Poetika vremeni i prostranstva v russkoy poezii 1760–1780-kh godov* [The Poetics of Time and Space in the Russian Poetry of the 1760s–1780s]. Yekaterinburg: Ural State University.
10. Kostrov, E.I. (1802) *Polnoe sobranie vseh sochineniy i perevodov v stikhakh g. Kostrova: v 2 ch.* [The Complete Collection of All Works and Translations in Verses of Mr. Kostrov: In 2 Parts]. Pt. 1. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya.
11. Sazonova, L.I. (2006) *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee novoe vremya* [The Literary Culture of Russia. Early New Time]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Al'tshuller, M.G. (2014) *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the Shadow of Derzhavin: Literary Portraits]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom.
13. Bronnikov, K.G. (1997) *Poet os'mnadsatogo stoletiya. Tvorcheskii put' E.I. Kostrova* [A Poet of the Eighteenth Century. The Creative Way of E.I. Kostrov]. Moscow: Prometey.
14. Gukovskiy, G.A. (1947) Kostrov. In: Prutskov, N.I. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: In 10 Vols]. Vol. 4, Pt. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 462–472.
15. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1992–2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.
16. Priyma, F.Ya. et al. (eds) (1972) *Poety XVIII veka: v 2 t.* [Poets of the 18th Century: In 2 Vols]. Vol. 2. Leningrad: Sov. pisatel'.

Received: 04 October 2019